

Вопросы философии и психологии

Книга 74

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 74 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 300 с.

ISBN 978-5-458-04722-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04722-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Обоснованіе мистическаго эмпиризма ¹⁾).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

II. Я и не-я.

Чтобы обсудить вопросъ объ отношеніи я къ не-я въ процессѣ знанія, нужно точно опредѣлить, что слѣдуетъ называть этими словами, значить, нужно имѣть знаніе о мірѣ я и мірѣ не-я. Воспользоваться какими-нибудь готовыми представленіями о нихъ не можетъ та гносеологія, которая задалась цѣлью избѣгать догматическихъ предположѣній, она должна сама изслѣдовать эти понятія.

Путь такого изслѣдованія намѣченъ уже въ началѣ этой главы. Знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями; значить, теперь необходимо сравнить между собою всѣ процессы, событія, явленія, вещи и т. п. и найти то коренное различіе между ними, благодаря которому весь міръ распадается на міръ я и міръ не-я. Само собою разумѣется, здѣсь нѣтъ рѣчи о я, какъ о субстанціи, о матеріи, духѣ и т. п.; намъ нужно только распредѣлить всѣ процессы въ двѣ различныя группы, а внутреннее строеніе этихъ группъ, напр. вопросъ о томъ, не составляетъ ли группа я субстанціальное единство высшаго порядка, не интересуется насъ здѣсь ²⁾).

1) „Вопр. Фил. и Псих.“ № 72 и 73.

2) Поэтому мы и позволяемъ себѣ здѣсь отождествлять понятія не-я и трансубъективный міръ. О томъ, что эти понятія на самомъ дѣлѣ не покрываютъ другъ друга см. въ статьѣ проф. Е. А. Боброва „Психогенезисъ вѣшняго міра“, „Вѣстникъ Психологіи“, 1904 г., № 4. стр. 202.

Признаки, отличающіе одни процессы отъ другихъ, могутъ быть тройкими: во-первыхъ, они могутъ быть *качественными*, таково, напр., различіе между краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ; во-вторыхъ, они могутъ быть *количественными*, таково, напр., различіе между началомъ и концомъ звучанія камертона; наконецъ, въ-третьихъ, процессы могутъ различаться не сами по себѣ, а по какому-нибудь *отношенію* къ другимъ процессамъ, явленіямъ или вещамъ, таково, напр., различіе между сѣвернымъ и южнымъ полюсомъ магнита. Я и не-я глубоко отличаются другъ отъ друга, обособленіе этихъ двухъ сферъ и сознательно, и безотчетно руководитъ всѣмъ нашимъ поведеніемъ; поэтому трудно себѣ представить, чтобы различіе между процессами я и не-я было только количественнымъ, или чтобы оно узнавалось по отношенію этихъ процессовъ къ какимъ-либо другимъ процессамъ, скорѣе всего существуетъ какой-нибудь качественный непосредственно сознаваемый признакъ, придающій специфическую окраску этимъ двумъ сферамъ жизни. Вѣроятно, этотъ признакъ такъ же простъ и неопишуемъ, какъ и краснота или зеленость. Такъ какъ онъ долженъ окрашивать всѣ процессы я въ отличіе отъ всѣхъ процессовъ не-я, то онъ навѣрное принадлежитъ къ числу чувствованій, съ трудомъ отличаемыхъ нами отъ самаго содержанія переживаній, и не отмѣченъ особымъ терминомъ, хотя именно подъ его вліяніемъ возникло знаніе о томъ, что міръ состоитъ изъ я и не-я. Если мы найдемъ эти чувствованія, то мы назовемъ ихъ описательно словами „чувствованіе принадлежности мнѣ“ и „чувствованіе данности мнѣ“, или чувствованіе субъективности и переживаніе трансубъективности, а самыя переживанія, окрашенные этими чувствованіями, мы назовемъ „моими“ и „данными мнѣ“ переживаніями. Не трудно замѣтить, что такія чувствованія въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Если передъ нами находится высокая бѣлая стѣна, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ голубого неба, и если, смотря на нее, мы станемъ припоминать, на какой выставкѣ была картина изъ итальянской жизни,

воспроизводящая этотъ контрастъ между небомъ и стѣнами домовъ, то несомнѣнно *усилія припоминанія* окрашены совершенно инымъ чувствованіемъ, чѣмъ стѣна: стѣна переживается, какъ что-то чуждое мнѣ, навязанное мнѣ извнѣ, а *усилія припоминанія* живо окрашены чувствованіемъ близости ко мнѣ ¹⁾; безъ всякихъ теорій, безъ всякаго изученія этихъ процессовъ, руководясь непосредственною отмѣткою, лежащею на нихъ, мы считаемъ одно переживание „моимъ“, а другое относимъ къ чуждому міру не - я, и навѣрное еще ни одному человѣку на основаніи непосредственнаго чувства не приходило въ голову, что бѣлая стѣна входитъ въ составъ его я, а *усилія припоминанія* принадлежатъ голубому небу. Правда, всякій сторонникъ субъективнаго идеализма утверждаетъ, что стѣна есть его субъективное воспріятіе и больше ничего; однако это утвержденіе есть плодъ теоретизированія, которое приводитъ къ неразрѣшиму противорѣчію именно въ вопросѣ о познаніи внѣшняго міра; къ тому же эти теоріи начинаютъ съ убѣжденія въ наличности міра не-я, при чемъ отличаютъ я отъ не-я, руководясь именно указанными выше чувствованіями и только впоследствии съ помощью *косвенныхъ соображеній* стараются внести внѣшний міръ въ сферу я.

Отрицать существованіе отмѣченныхъ нами чувствованій нельзя; однако можно утверждать, что эти чувствованія не составляютъ *первичнаго* критерія при опредѣленіи я и не-я, можно утверждать, что первичный критерій заключается въ количественныхъ различіяхъ или въ отношеніяхъ между процессами, а указанный нами качественный критерій есть производный, сравнительно менѣе важный признакъ. Несостоятельность этого возраженія обнаружится

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. мое сочиненіе „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волонтаризма“, гл. I. Чувствованіе „моего“ и даннаго мнѣ играетъ также первенствующую роль въ изслѣдованіи проф. Липпса „Самосознаніе“, перев. Ляхарева. — Намеки на существованіе этихъ чувствованій встрѣчаются также въ соч. Джемса „Психологія“, пер. Лапшина, 2-е изд. глава „Личность“, стр. 138, 157 с.

позже, когда будет показано, что другіе критеріи явно или скрыто уже предполагають существованіе качественного различія между процессами и устанавливають понятіе я, легко приводящее къ заблужденіямъ. Однако заняться этимъ вопросомъ можно будетъ только тогда, когда выяснятся всѣ переменны въ понятіи я и не-я, происходящія отъ послѣдовательнаго примѣненія нашего критерія, поэтому мы предположимъ теперь, что этотъ критерій правиленъ и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Къ области міра не-я, согласно нашему критерію, нужно причислить прежде всего все содержаніе, такъ называемыхъ, внѣшнихъ воспріятій, поскольку они состоятъ изъ ощущеній, пространственныхъ отношеній, движеній, „данной“ объединенности (таково напр. единство звуковъ въ мелодіи или единство свойствъ камня) и т. п. Всѣ органическія ощущенія, напр. жажда, голодъ, мышечная усталость, ознобъ, головная боль, щемленіе сердца, колотье въ ухъ и т. п., также явнымъ образомъ окрашены чувствованіемъ „данности мнѣ“, слѣдовательно, тѣлесная жизнь или вся, или отчасти принадлежитъ къ міру не-я. Но этого мало: очень многія душевныя состоянія, въ остальныхъ отношеніяхъ сформированныя вполне такъ же, какъ и процессы, изъ которыхъ складывается главный фондъ жизни я, могутъ возникать съ явственною окраскою „данности мнѣ“. Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ усилія припоминанія, конечно, окрашены чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“, но результатъ припоминанія, напр., всплываніе въ памяти видѣнной прежде картины, появленіе въ полѣ сознанія фамиліи художника, написавшаго ее, и т. п. можетъ принадлежать къ числу типичныхъ „данныхъ мнѣ“ переживаній. Стремленія, возникающія на почвѣ тѣлесныхъ состояній, напр. при сильной жадѣ стремленіе напиться воды, при сильной мышечной усталости стремленіе присѣсть, прилечь, стремленіе покурить, могутъ какъ бы совершенно оторваться отъ группы „моихъ“ переживаній и чувствоваться, какъ что-то самостоятельное, независимое отъ нея,

т.-е. имѣющее характеръ „данности“; такой же характеръ имѣютъ стремленія, называемыя навязчивыми идеями. Весьма возможно, что и эти душевныя состоянія суть продуктъ жизни тѣла, именно дѣятельности высшихъ нервныхъ центровъ, и относятся къ міру не-я въ такомъ же смыслѣ слова, какъ голодъ или жажда. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что всѣ перечисленныя состоянія принадлежать къ области сравнительно примитивныхъ переживаній.

Замѣчательно, что и противоположный полюсъ переживаній, именно состоянія, наиболѣе сложныя и наиболѣе, повидимому, далекія отъ тѣлесной жизни, также отличаются характеромъ „данности“ и, слѣдовательно, должны быть отнесены къ міру не-я. Таковы, напр., молніеносныя вспышки сложныхъ концепцій въ процессѣ эстетическаго или научнаго творчества, когда сложный, хотя и не дифференцированный клубокъ идей сразу появляется въ полѣ сознанія, какъ бы *по наитію свыше*, слѣдовательно, окрашенъ чувствованіемъ „данности мнѣ“. Таковы сложныя эстетическія переживанія при созерцаніи прекраснаго ландшафта, картины и т. п., когда наше я утопаетъ въ океанѣ „данныхъ“ гармоническихъ отношеній; таковы религіозные экстазы и молитвенное погруженіе въ божественный міръ. Таковы переживанія, входящія въ составъ нравственной и правовой жизни. Характеръ „данности“ и внѣшней принудительности этическихъ и правовыхъ нормъ настолько ясно выраженъ, что и языкъ, и поэзія, и философія всевозможными способами заявляютъ объ этомъ фактѣ и считаются съ нимъ. Въ сочиненіи проф. Петражицкаго „О мотивахъ человѣческихъ поступковъ“, хорошо обрисована эта сторона этическихъ переживаній и потому мы приводимъ его слова по этому вопросу ¹⁾. „Соотвѣтствующія моторныя возбужденія и понуканія, — говоритъ проф. Петражицкій, — имѣютъ особый мистическо-авторитетный характеръ; они противостоятъ и оказываютъ сопротивленіе другимъ нашимъ эмоціональнымъ движеніямъ,

¹⁾ Стр. 8.

аппетитамъ, стремленіямъ, вожделѣніямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходящіе какъ бы изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго я, таинственнаго источника (мистическая, не чуждая оттѣнка боязни окраска). Человѣческая рѣчь, поэзія, мифологія, религія, метафизическія философскія системы.. отражаютъ, перетолковываютъ и переводятъ эти характерныя свойства этическихъ эмоцій на языкъ представленій въ томъ направленіи и смыслѣ, что наряду съ нашимъ „я“ имѣется въ такихъ случаяхъ налицо еще другое существо; какой-то голосъ обращается къ намъ, говоритъ намъ (совѣсть, *conscientia*, *Gewissen*, голосъ совѣсти, слушаться, бояться совѣсти и т. п. „демонъ“ Сократа—метафизическое „я“ Канта); этотъ говорящій нашему „я“ голосъ представляется исходящимъ отъ высшаго существа; религіозная психика народовъ приписываетъ этотъ голосъ богамъ, монотеистическія религіи Богу, метафизическая философія создаетъ ему метафизическія олицетворенія („природа“, „разумъ“, „воля“, какъ метафизическія существа, „объективный духъ“ и т. д. и т. д.); позитивическая и скептическая психика тѣхъ, которые хотя и остаются чуждыми всякому мистицизму, создаетъ все же для него мистическія олицетворенія: „народный духъ“, „общая воля“ нѣкоторыхъ современныхъ юристовъ и моралистовъ, „инстинктъ рода“ и т. п., при чемъ „родъ“, „общая“ „воля“ представляются чѣмъ-то надѣленнымъ высшимъ авторитетомъ и стоящимъ надъ индивидомъ и надъ индивидуальной волей и т. д.“

Состояній, окрашенныхъ переживаніемъ „данности“ и, слѣдовательно, составляющихъ міръ не-я, оказывается такъ много, что возникаетъ вопросъ, осталось ли что-нибудь на долю я. Въ сочиненіи „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ мы рассмотрѣли всѣ душевные процессы, опираясь на различеніе „моихъ“ и „данныхъ“ мнѣ переживаній, и пришли къ выводу, что изъ всей совокупности процессовъ, входящихъ въ сферу какого-либо индивидуальнаго человѣческаго сознанія, въ общемъ только

среднія по степени сложности переживанія относятся къ я этого чловѣка, а самыя простыя и самыя сложныя входятъ въ область міра не-я. Переживанія, окрашенныя чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“, нерѣдко утопаютъ въ массѣ „даннаго мнѣ“ и могутъ быть вскрыты только съ помощью внимательнаго анализа. Зато если прибѣгнуть къ этому средству, то окажется, что во всякомъ чловѣческомъ переживаніи есть *элементы или стороны*, окрашенные чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“. На первый взглядъ кажется, что воспріятія, согласно нашему критерию, цѣликомъ должны были бы принадлежать къ міру не-я, но на дѣлѣ это невѣрно. Воспріятіе дерева, поскольку его содержаніе состоитъ изъ ощущеній, пространственныхъ отношеній и т. п., конечно, принадлежитъ міру не-я, однако въ этомъ воспріятіи есть еще процессъ фиксированія вниманія, процессъ попере-мѣнныхъ то расширеній, то суженій его объема (охватываю взглядомъ цѣлое, фиксирую верхушку), этотъ процессъ также есть переживание, и при томъ несомнѣнно окрашенное чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“; *разсматриваемое* составляетъ міръ не-я, но *разсматриваніе* несомнѣнно входитъ въ сферу я. Въ случаѣ воспріятія очень сложной вещи не только процессы фиксированія вниманія, но и объединенность частей можетъ быть не „данною“, а „моею“; напр. когда разсматривая огромный готическій соборъ, мы стараемся удержать въ памяти всѣ части его и складываемъ ихъ другъ съ другомъ, чтобы мысленно охватить цѣлое, части собора составляютъ міръ не-я, но разсматриваніе, запоминаніе, воспроизведеніе ихъ и построеніе изъ нихъ цѣлаго относится къ міру я. Переживанія, окрашенныя чувствованіемъ „принадлежности мнѣ“, еще болѣе многочисленны въ такихъ дѣятельностяхъ, какъ воспоминаніе, фантазированіе, мышленіе и т. п. Наиболѣе типичныя, чистыя отъ постороннихъ примѣсей образцы „моихъ“ переживаній можно найти среди нѣкоторыхъ классовъ стремленій; таковы, напр., честолюбивыя, самолюбивыя и т. п. стремленія. Однако и здѣсь я переплетается съ не-я чрез-

вычайно тѣсно; когда какой-нибудь острякъ, стремящийся быть душою общества, торопится приготовить „экспромтъ“, а потомъ въ теченіе двухъ-трехъ минутъ выжидаетъ удобнаго времени, чтобы сказать его, то стремленіе обратить на себя вниманіе и подыскиваніе остроты переживаются, какъ „мои“ душевныя состоянія, но развивающіяся при этомъ эмоціи ожиданія, нетерпѣнія и т. п. могутъ заключать въ себѣ много „данныхъ“ элементовъ (ощущенія отъ красноты щекъ, отъ стѣсненія дыханія и т. п.), и даже самое произнесеніе остроты, заготовленной раньше и нѣсколько разъ про себя произнесенной, можетъ произойти какъ-то автоматически, т.-е. быть окрашено чувствованіемъ „данности“ ¹⁾.

Не удивительно поэтому, что психологія до сихъ поръ изслѣдуетъ главнымъ образомъ „данныя мнѣ“ состоянія, т.-е. міръ не-я, и даже одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей, именно Джемсъ, заявилъ, что, пожалуй, субъективныя состоянія вовсе не даны въ непосредственномъ опытѣ. „Были мыслители,— говоритъ онъ,— отрицавшіе существованіе внѣшняго міра, но въ существованіи внутренняго міра никто не сомнѣвался. Всякій утверждаетъ, что самонаблюденіе непосредственно раскрываетъ передъ нами смѣну душевныхъ состояній, сознаваемыхъ нами въ качествѣ внутренняго душевнаго процесса, противоположаемаго тѣмъ внѣшнимъ объектамъ, которые мы съ помощью его познаемъ. Что же касается меня, то я долженъ сознаться, что не вполне увѣренъ въ существованіи этого внутренняго процесса. Всякій разъ, какъ я дѣлаю попытку подмѣтить въ себѣ какой-нибудь душевный процессъ, я наталки-

¹⁾ Различіе между „моими“ и „данными мнѣ“ состояніями подробно рассмотрѣно нами въ сочиненіи „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ въ главѣ I (всѣ „мои“ состоянія развиваются по типу волевыхъ актовъ), IV (всѣ „мои“ состоянія образуютъ систему дѣятельности, въ которой одно звено относится къ другому, какъ средство къ цѣли), VII, IX. Преобразованія понятія я, возникающія при изслѣдованіи всѣхъ душевныхъ состояній со стороны „данности ихъ“ и „принадлежности мнѣ“, изложены въ главѣ V (я есть единство стремленій).

ваюсь непремѣнно на чисто физическій фактъ, на какое-нибудь впечатлѣніе, идущее отъ головы, бровей, горла или носа“¹⁾).

Если воспользоваться нашимъ критеріемъ, то границу между я и не-я придется провести не тамъ, гдѣ ее находятъ представители другихъ міросозерцаній. Рационалисты и субъективные идеалисты (напр. Юмъ, Милль) полагаютъ, что *всѣ* переживанія, констатируемая какимъ-либо индивидуальнымъ сознаниемъ, *цѣликомъ* принадлежатъ этому я, а міръ не-я начисто, *цѣликомъ* отрѣзанъ отъ я; субъективному идеалисту не приходится поэтому проводить границу между я и не-я: *все испытываемое имъ есть его я*; о мірѣ не-я они или ничего не знаютъ (Юмъ, Милль) или же получаютъ его путемъ *удвоенія* нѣкоторыхъ переживаній я (напр., по мнѣнію Декарта, когда мы воспринимаемъ мячъ, то въ нашемъ умѣ возникаетъ *представленіе* шара, а внѣ ума существуетъ *дѣйствительный* шаръ, по мнѣнію Локка, когда мы видимъ красный цвѣтъ, то цвѣтъ находится въ нашемъ сознаниі, а внѣ сознания находится что-то, что своимъ дѣйствіемъ вызываетъ это ощущеніе. Наивный реализмъ стоитъ ближе къ намъ: часть испытываемаго онъ относитъ къ области не-я, но граница между я и не-я не опредѣляется при этомъ точно, и во многихъ случаяхъ наивный реалистъ попросту не обсуждаетъ вопроса, что и въ какомъ смыслѣ должно быть отнесено къ одной изъ этихъ двухъ сферъ. Наконецъ, согласно нашимъ представленіямъ совокупность всѣхъ испытываній какого-либо индивидуальнаго сознания должна быть подъ руководствомъ точно опредѣленнаго критерія глубоко расколота, чтобы выдѣлить не-я, при этомъ на долю я остается гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно принято думать (даже воспоминанія, образы фантазіи, поскольку въ нихъ есть элементы, окрашенные чувствованіемъ „данности мнѣ“, принадлежать міру не-я);

¹⁾ Джемсъ, „Психологія“, перев. И. Лапшина, изд. 2-е, стр. 392.

²⁾ См. по этому вопросу статью „R. Seydel, Der sogenannte naive Realismus, Vierteljahrsschrift für wiss. Philos. XV, IV. Heft.“

такъ какъ міръ не-я отграничивается отъ я путемъ раскалыванія всѣхъ переживаній на-двое, то намъ не нужно *конструировать* его и не приходится прибѣгать съ этою цѣлью къ *удвоенію* переживаній: мы вовсе не думаемъ, будто когда мы воспринимаемъ шаръ, мы имѣемъ въ сознаніи представленіе о шарѣ, а внѣ я находится дѣйствительный шаръ или какое-то нѣчто, которое своимъ дѣйствіемъ вызвало представленіе о шарѣ, мы полагаемъ, что *шаръ, составляющій содержаніе нашего воспріятія, и есть именно часть міра не-я.*

Такимъ образомъ знаніе о внѣшнемъ мірѣ, что касается близости къ объекту, ничѣмъ не отличается отъ знанія о внутреннемъ мірѣ. Процессъ въ я („мой“ процессъ, напр. усиленіе припоминанія) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я обращаю на него вниманіе и путемъ сравненія выдѣлю его изъ другихъ переживаній; точно также и процессъ внѣ я („данный мнѣ“ процессъ; напр. стремительное теченіе воды въ ручьѣ) не просто совершается, а становится познаннымъ событіемъ, если я отличу его отъ другихъ событий. Иными словами, *міръ не-я познается такъ же непосредственно, какъ и міръ я.* Разница только въ томъ, что въ случаѣ знанія о внутреннемъ мірѣ и объектъ знанія, и процессъ сравненія его находятся въ сферѣ я, а при познаніи внѣшняго міра объектъ находится внѣ я, а сравненіе его происходитъ въ я. Значитъ въ процессѣ познанія внѣшняго міра объектъ *трансцендентенъ въ отношеніи къ познающему я,* но несмотря на это онъ остается *имманентнымъ самому процессу знанія;* слѣдовательно, знаніе о внѣшнемъ мірѣ есть *процессъ, одною своею стороною разрывающійся въ міръ не-я* (матеріаль знанія), а другою стороною совершающійся *въ міръ я* (сравненіе). Такое ученіе о процессѣ знанія, конечно, требуетъ, чтобы мы освободились отъ стараго представленія объ абсолютной субстанціальности я и допустили совершенную объединенность я и не-я (подобную той объединенности, какая существуетъ между различными душевными процессами въ самомъ я), благодаря которой жизнь внѣшняго міра дана